

Александр Свистунов

**«ТРАНСВААЛЬ,
СТРАНА МОЯ, ТЫ
ВСЯ ГОРИШЬ
В ОГНЕ...»**

Русские и англо-бурская война

Александр Свистунов

**«Трансвааль, страна моя,
ты вся горишь в огне...».**

Русские и англо-бурская война

«Издательские решения»

Свистунов А.

«Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...». Русские и англо-бурская война / А. Свистунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830232-9

Последняя война XIX века и первая — века XX, она не только размежевала собой два столетия, но и, по сути, разграничила две эпохи в истории военного дела. Войны уже никогда не будут прежними, как и те принципы, на которые опирались в своих действиях военачальники. О той войне говорили, спорили, рассуждали, нередко придавая ее событиям нарочито романтический характер. Не осталась равнодушна к событиям на юге Африки и русская общественность.

ISBN 978-5-44-830232-9

© Свистунов А.
© Издательские решения

Содержание

Юг Африки: алмазы, золото, свинец	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

«Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...»

Русские и англо-бурская война

Александр Свистунов

© Александр Свистунов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слова, послужившие заглавием данной книги, взяты отнюдь не из романтической европейской поэзии, как могло бы показаться любезному читателю. Это заглавная строчка из русской народной песни, сложенной на основе стихотворения поэтессы Галины Галиной (урожденной Глафиры Николаевны Мамошиной – прим. авт.) «Бур и его сыновья», опубликованного осенью 1899 года. Нет ничего удивительного в том, что произведение Галиной быстро, хоть и в видоизмененном виде, стало народным достоянием – взоры всего русского общества были прикованы к событиям, происходившим в далекой Африке, и не будет преувеличением сказать, что для России и русских это была во многом «своя» война.

Последняя война XIX века и первая – века XX, она не только размежевала собой два столетия, но и, по сути, разграничила две эпохи в истории военного дела. Войны уже никогда не будут прежними, как и те принципы, на которые опирались в своих действиях военачальники. Униформа цвета хаки, бронепоезда, концентрационные лагеря, разрывные пули и многое другое – все это прошло свою окончательную апробацию в знойной африканской саванне, чтобы на долгие десятилетия стать хрестоматийными символами войны и тех ужасных последствий, что она неизменно несет.

Англо-бурская война, казалось, приковала к себе внимание всего человечества – донесения с театра боевых действий летели в Петербург, Берлин, Париж... О ней вдохновенно писали такие мастера слова как Луи Буссенар, Артур Конан-Дойль (непосредственный участник той войны в качестве военного врача и ее первый историк – прим. авт.), Редьярд Киплинг, на ее полях пришлось взяться за оружие тогда еще мало кому известному лейтенанту Уинстону Черчиллю, военному корреспонденту при войсках Ее Величества (и даже побывать в плену, откуда будущий премьер-министр бежал в лучших традициях Аллана Куотермейна – прим. авт.). О той войне говорили, спорили, рассуждали, нередко придавая ее событиям нарочито романтический характер. И практически всегда симпатии общества были на стороне буров – французы не простили англичанам конфликт вокруг Судана, испанцы – поддержку, которую британцы оказали США в войне с Испанией, ну а для немцев англичане были естественными противниками. Не осталась равнодушна к событиям на юге Африки и русская общественность. Впрочем, обо всем по порядку.

Юг Африки: алмазы, золото, свинец

Первыми белыми людьми, ступившими на южные земли Африки, были голландцы – в 1652 году голландская Ост-Индская компания основала на месте нынешнего Кейптауна колонию, получившую название Капланд. Очень скоро в колонию в поисках лучшей жизни хлынули поселенцы из Европы, разоренной Тридцатилетней войной.

Продлилось это господство чуть более столетия – к концу XVIII века Голландия окончательно утратила былые позиции мировой державы. Великобритания, под предлогом того, что Голландия поддержала Североамериканские колонии в их борьбе за независимость, в 1795 году отобрала Капскую область.

У англичан в этом поступке был свой резон – Лондону была очень нужна перевалочная база на морском пути в Индию, так что стремление закрепиться на южной оконечности Африки были, как сейчас говорят, естественной геополитической целью.

Была у англичан, правда, одна небольшая проблема – на землях, которые они объявили своей несомненной собственностью и планировали колонизировать, уже жили другие люди. Это были буры, земледельцы и скотоводы (собственно, само слово «бур» с голландского переводится как «крестьянин» – прим. авт.) из числа голландских, германских, датских и французских переселенцев.

Буры представляли собой достаточно консервативное патриархальное общество – жили на удаленных друг от друга фермах большими семьями, были набожны и по воскресеньям неизменно посещали церковь. Это были, своего рода, африканские реднеки, стоявшие у британской администрации как кость в горле. Неудивительно, что многие представители тогдашнего прогрессивного общества находили их невежественными и закостенелыми. Так, например, отзывался о бурах знаменитый писатель Марк Твен, посетивший Южную Африку в конце XIX века:

«Буры очень набожны, глубоко невежественны, тупы, упрямые, нетерпимы, нечистоплотны, гостеприимны, честны во взаимоотношениях с белыми, жестоки по отношению к своим чёрным слугам... им совершенно всё равно, что творится в мире. Чёрный дикарь... был добродушен, общителен и бесконечно приветлив... Он... жил в хлеву, был ленив, поклонялся фетишу... Его место занял бур, белый дикарь. Он грязен, живёт в хлеву, ленив, поклоняется фетишу; кроме того, он мрачен, неприветлив и важен и усердно готовится, чтобы попасть в рай, – вероятно, понимая, что в ад его не допустят».

Рабовладение, традиционно бытовавшее у буров, стало одной из главных точек конфликта в их отношениях с англичанами. В Британской империи рабство было под запретом, и это правило англичане в 1834 году ввели и в своих южноафриканских владениях. Для буров же рабство было чем-то вроде национальной традиции – захватив некогда эти земли, потомки голландских мореходов поработили агрессивно настроенное против них местное население, и считали такое положение дел нормой. Так, например, описывал отношения буров и их рабов помощник российского военного атташе майор фон Зингер-Корн:

«Буры не были никогда убеждёнными и закоренелыми, так сказать, рабовладельцами. <...> на следующий же год после основания ими республики на одном из митингов, весьма многолюдном, решено было добровольно

и единогласно отказаться навсегда от порабощения чернокожих и от торговли невольниками. В таком духе была издана соответствующая прокламация. Она не вызвала ни одного протеста ни с чьей стороны и никем впоследствии не нарушалась. В сущности, ею было отменено лишь формальное право собственности на живой человеческий товар, отношения же к покорённым чернокожим остались прежние. Оно и понятно. Буры никак не могли считать диких, только что побеждённых ими врагов за равных себе. <...> Пока чёрный слуга служит ему с покорностью и преданностью, он относится к нему спокойно, справедливо и даже добродушно. Но достаточно, чтобы бур почувствовал в чернокожем малейший оттенок коварства, малейшую искру возмущения, как спокойный и добродушный хозяин превращается в грозного, неумолимого палача и подвергает непокорного жестокому наказанию, не смущаясь никакими последствиями».

Рабовладение было краеугольным камнем экономики буров, и его запрет фактически обрекал их хозяйства на угасание и убыток. Англичане, к слову, обстряпали все дело достаточно хитрым образом – они официально ввели возможность выкупа короной рабов у местного населения, якобы для того, чтобы буры получили компенсацию за нанесенный им ущерб. Однако фиксированная стоимость выкупа раба, установленная британцами, была почти вдвое ниже общепринятой рыночной. Помимо этого, сделку можно было оформить только в Лондоне, и платили британцы не наличными, а государственными облигациями. Вся эта волокита, естественно, оказалась для крестьян-буров практически непреодолимой. Кроме того, их обязали уплачивать налоги в пользу британской казны, запретили обучение и делопроизводство на голландском языке, сделав официальным языком английский, которым большинство буров попросту не владели.

Практически сразу после принятия новых законов, буры начали массовый исход из британских владений с целью основать собственное государство. Русский писатель А. И. Гончаров в своем произведении «Фрегат «Паллада» так описывал происходящее:

«Всё это окончательно восстановило голландцев, которых целое народонаселение двинулось массой к северу и, перешедши реку Вааль, заняло пустые, но прекрасные, едва ли не лучшие по всей Южной Африке пространства. Движение это было так единодушно, что многие даже из соседних к Капштадту голландцев бросили свои фермы, не дождавшись продажи их с аукциона, и удалились со своими соотечественниками. Они заняли пространства в 350 миль к северу от реки Вааль, захватив около полутора градуса южного тропика, крайний предел, до которого достигла колонизация европейцев в Африке. Они хотели иметь свои законы, управление и надеялись, что сумеют без помощи англичан защититься против врагов, и не обманулись. Страна их, по отзывам самих англичан, находится в цветущем положении. Буры разделили её на округа, построили города, церкви и ведут деятельную, патриархальную жизнь, не уступая, по свидетельству многих английских путешественников, ни в цивилизации, ни в образе жизни жителям Капштадта...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.